

УДК 94(470.41)

ТАТАРСКАЯ РЕСПУБЛИКА В 1940–1980-е ГОДЫ: МОДЕРНИЗАЦИЯ ПО-СОВЕТСКИ

А.Г. Галлямова, кандидат исторических наук, доцент

В XX в. большая часть истории Татарстана, как и всей России, приходится на советский период. В этот период татарский народ после многовекового перерыва вновь обрел форму государственности: с 1920 по 1990 г. существовала Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика (ТАССР), преобразованная в период распада СССР в Республику Татарстан. Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика отражала общие процессы социодинамики, характерные в целом для СССР. Отчасти этим объясняется то, что основные моменты истории советского периода Татарстана вписывались в общесоюзную советскую историографию как ее органическая часть.

В обстановке утверждавшегося плюрализма постепенно происходили парадигмальные изменения в методологии обществоведения. Все большей критике стал подвергаться формационный принцип периодизации истории с его однонаправленностью и экономическим детерминизмом. Переход от апологетики советского периода к его изобличительству в ранний постсоветский сопровождался путаницей, неразберихой в использовании терминов, маркирующих те или иные ретроспективные процессы. На смену обозначений направления движения: «рост», «развитие», употреблявшихся в советской историографии, пришли понятия «застой», «механизм торможения». С наступлением более взвешенного этапа профессионального осмысления

советской истории появилось много работ, ценных своей фактографией, не позволительной в советское время, но часто без типологизации рассматриваемых процессов. Такая позиция свидетельствовала об освобождении науки от политической конъюнктуры, но вместе с тем показывала и отсутствие некоего резюмирующего вектора, необходимого в научных сочинениях, отражала переходный, методологически неустойчивый характер исторических сочинений.

По мере того, как первые страсти улеглись, и эмоционально-аффективная связь с советской эпохой стала ослабевать, актуализировался спокойный, взвешенный, непредвзятый подход к ее изучению и упорядочению новых знаний с новых концептуальных позиций. Сегодня нужны новые серьезные исследования по самым различным направлениям и этапам советского периода, новые методологические подходы, преодолевающие сенсационно-революционную тональность, определенную эпатажность в восприятии советского периода.

В мировой науке уже с середины прошлого века для освещения новейшего периода в истории успешно применялась теория модернизации, позволяющая понять многофакторность и многофактурность ретроспективы конкретного региона, его место в современном мире.

В истории Советского Союза, особенно когда речь идет о II половине XX в., трудно найти примеры других

регионов, где наблюдались бы столь высокие темпы индустриализации, как в Татарской республике. Почему же Татарстан не дорожил своей «нишей» успешно развивавшегося региона в могущественном государстве и активно участвовал в «параде суверенитетов» на закате советской эпохи? Вполне очевидное объяснение «неблагодарного поведения» народа и власти республики к Советскому Союзу дает, на наш взгляд, ретроспективный анализ истории ТАССР в контексте теории модернизации общества. Понимаемая как комплекс взаимосвязанных процессов в экономике, политике, духовной сфере общества, ориентирующегося на западные ценности, модернизация позволяет представить полно ретроспективу конкретного региона, позволяя отразить ее целостность и в то же время специфичность трансформации отдельных параметров.

Как и по всему СССР, процессы модернизации в Татарской республике, регулировавшиеся решениями центра, носили идеократический характер. В послевоенный период модернизация Татарстана определялась актуализировавшейся в условиях «холодной» войны государственной стратегией, согласно которой ему отводилась роль важной тыловой базы. В 1940-е гг. в экономике республики прочное место занял военно-промышленный комплекс. Огромную роль в укреплении военного потенциала страны играл авиационный завод им. Горбунова, освоивший в 1940-е гг. выпуск стратегических бомбардировщиков ТУ-4, способных нести ядерное оружие¹. В 1953 г. завод первым в стране стал выпускать скоростные реактивные бомбардировщики ТУ-16. Многие годы они являлись основой боевой мощи советской стратегической авиации. На самолетах, выпущенных заводом, были осуществлены многие выдающиеся достижения и установлены мировые авиационные рекорды. В 1955 г. в Казани в системе авиационной промышленности было создано особое конс-

структорское бюро (ОКБ) по созданию специальной радиоизмерительной аппаратуры, необходимой для радиолокационных станций. ОКБ разрабатывало темы под кодовыми названиями «Уран», «Грунт», «Акация», «Флокс». Кроме того, завод внес большой вклад и в развитие гражданской авиации. С 1956 г. здесь было налажено серийное производство первого в мире реактивного пассажирского самолета ТУ-104. В последующие десять лет этот лайнер оставался одним из самых «дальних» самолетов Аэрофлота. В 1957 г. завод осуществил выпуск многоместных пассажирских самолетов ТУ-110 и ТУ-110А, антенных устройств для радиолокационных станций «Тюльпан» и «Дунай»².

Динамично совершенствовалось производство на моторостроительном заводе. В 1945 г. его коллектив стал работать над созданием первого в стране реактивного двигателя РД-20 с осевым компрессором, серийное производство которого стало осуществляться с 1946 г. В 1951 г. завод освоил производство более совершенного реактивного двигателя с центробежным компрессором ВК-1. В 1953 г. он стал выпускать двигатели АМ-3 для скоростных бомбардировщиков дальнего действия. В 1957 г. была создана новая модификация – двигатель РД-3М, который обеспечил большую дальность, скорость и высоту полета³.

Сложнейшие заказы военно-морского ведомства получал Зеленодольский судостроительный завод им. Горького. Здесь было создано конструкторское бюро, осуществлявшее стратегически важную проблему по созданию противолодочной обороны страны⁴. В этот период быстроходные и глубоководные подводные лодки с мощным торпедным и ракетным оружием превратились в основной класс военно-морских флотов мира.

Совершенствовалось производство на вертолетном заводе. В 1957–1958 гг. был увеличен ресурс боевого вертолета, в 1959 г. завод стал произво-

дить вертолеты пассажирского варианта. Завод № 294 освоил выпуск станции наведения Протон, радиолокационной станции ближней навигации «Свод», контрольно-проверочной аппаратуры к ней, а также телевизионного прицела ТП-1, радиолы с магнитофонной приставкой «Казань-2», «Заря»; приставки станции опознавания Хром и Хром-никель⁵.

Некоторые машиностроительные заводы, производившие продукцию на уровне международных стандартов республики, являлись уникальными в масштабе страны. Главным в СССР предприятием по производству компрессоров являлся, например, Казанский компрессорный завод. Его продукция использовалась в металлургии, химических производствах, при добыче и переработке нефти. В научно-производственном объединении «Вакууммаш» впервые в стране были разработаны и освоены в серийном производстве уникальные вакуумные агрегаты. Они позволяли отказаться от импорта аналогичного оборудования. Высокими темпами росло производство продукции военного назначения на заводах точного машиностроения, «Радиоприбор», им. Серго, заводе штепсельных разъемов (со второй половины 1970-х гг. производственные объединения «Электрон», «Вакууммаш»), Чистопольском часовом и др. На предприятиях республики впервые в стране были созданы и изготовлены многие типы компрессоров, насосов, часов, медицинских аппаратов и других изделий. Новостройки относились к таким отраслям, как резиновая промышленность, машиностроение и приборостроение.

Конечно, производство ВПК было окутано завесой секретности. О них не писали газеты, не говорили по радио, Казань являлась закрытым для иностранцев городом. Распространение режима секретности доходило до абсурда. Во времена хрущевской оттепели директор Государственного республиканского музея на заседании бюро

Татарского обкома КПСС В. Дьяконов попытался поднять этот вопрос. «Сделали мы однажды модель самоходного комбайна – продукцию одного из наших заводов. Пригласили на просмотр главлитчиков. Показывать нельзя, – сетовал он, – секретно... До сих пор мы в музее не имеем права сказать о компрессорном заводе, а по улицам бегают трамваи с вывеской «Ул. Куйбышева – Компрессорный завод, а в обллите нам говорят, что никакого компрессорного завода в Казани нет»⁶.

В отличие от военно-промышленного комплекса нефтедобывающая промышленность, разворачивавшаяся на юго-востоке республики, обрела всесоюзную славу благодаря чуть ли не ежедневному освещению в средствах массовой информации. О том, какое значение государство придавало освоению нефтяных богатств Татарстана, свидетельствует объем выделявшихся для этого средств. В 1951–1955 гг. в нефтяную промышленность было вложено более 5 млрд. руб., т.е. больше, чем во все отрасли промышленности республики в течение четырех предыдущих пятилеток⁷. Это и понятно, в аграрном регионе, где практически отсутствовали промышленные отрасли экономики, предстояло развернуть грандиозное индустриальное производство. Требовались специальное оборудование, строительные материалы, квалифицированные кадры. В большом количестве они направлялись в республику из Баку, Грозного, Дагестана, Башкирской республики.

Благодаря огромному размаху работ объемы добываемой в Татарской республике нефти увеличивались более высокими темпами по сравнению с другими регионами страны. Так, если по Советскому Союзу в первой половине 1950-х гг. она выросла чуть более чем в 2 раза, то в Татарстане – почти в 21 раз. Это позволило республике уже в середине 1950-х гг. стать в нефтедобывающей отрасли бесспорным лидером⁸. Впоследствии она из года в год наращивала добычу «черного золота»

и прочно удерживала первое место в нефтедобывающей отрасли до середины 1970-х гг.

Нефтяниками республики было внесено много нового в процесс нефтедобычи. На здешних месторождениях, например, впервые в мире было применено внутриконтурное заводнение, иными словами закачивание в нефтяные пласты воды вместо глинистых растворов. Это позволило добывать самую дешевую нефть в стране и экономить многие миллиарды рублей государственных средств. С 1952 г. нефтяники Татарстана первыми в стране полностью перешли с роторного на турбинное бурение. В результате скорости бурения, полученные в республике, превысили скорости американских буровиков в аналогичных геологических условиях. Развитие нефтяной промышленности вывело республику на передовые рубежи развития экономики: по выпуску валовой продукции ТАССР заняла к середине 1960-х гг. первое место среди автономных республик⁹.

Пика производства нефтяная отрасль, игравшая решающую роль в экспортных ресурсах страны, достигла к концу 1960-х гг. В 1970 г. Татарстан добился рекордного объема добычи нефти в 100 млн. т в год. В начале 1970-х гг. лишь пять стран мира (США, Саудовская Аравия, Иран, Венесуэла и Ирак) добывали нефти больше, чем Татарстан. В брежневский период экономика СССР во многом держалась благодаря «нефтедолларам».

Начиная со второй половины 1970-х гг., развитие нефтяной отрасли в республике стало замедляться. Основное внимание руководства страны тогда было обращено на новые месторождения в Западной Сибири, что свидетельствовало о неизменности ориентации руководства страны на экстенсивные методы в развитии экономики страны. На разработку нефтяных месторождений Западной Сибири направлялся основной поток инвестиций, техники. Из республики туда посылались квалифицированные кадры.

Постоянно и быстро расширявшаяся эксплуатация нефтяных месторождений на юго-востоке Татарстана не сопровождалась столь же масштабным развитием здесь нефтеперерабатывающего производства, ему отводилась роль сырьевой базы. В первое время нефть из Татарской республики поступала на заводы Башкирии, Куйбышева (ныне Самары), Саратова. Но когда объемы добычи нефти выросли в десятки раз и эти заводы перестали справляться с ее переработкой, в республике начали активно строить товарные парки, нефтепроводы. В 1959 г. началось сооружение знаменитого нефтепровода «Дружба», по которому нефть поступала в Польшу, ГДР, Чехословакию.

Создание в республике крупной нефтяной индустрии стало основой возникновения нефтехимической промышленности. В 1956 г. вступила в строй первая очередь Миннибаевского газоперерабатывающего завода, который работал на попутном нефтяном газе. Через два года началось сооружение Казанского завода органического синтеза, Нижнекамского нефтехимического комбината. Последний наряду с другими крупнейшими объединениями «Нижнекамскшина» и «КамАЗ» в Набережных Челнах составил основу Нижнекамского территориально-промышленного комплекса (ТПК). Это был единственный промышленный конгломерат, развернутый с нуля в европейской части СССР в позднесоветский период истории России. Основная ставка в экономическом развитии тогда делалась на Сибирь и Дальний Восток, где было гораздо больше территориальных возможностей для сооружения гипермощных производств. Воздвигшиеся огромные индустриальные комплексы «в чистом поле» были призваны показать всему миру, что страны социалистической системы могут позволить себе гипермасштабный размах в развитии экономики. Они отвечали сохранявшемуся в экономической стратегии советского руководства ре-

волюционаристскому стилю: начать с размахом с нуля, удивить мир масштабами, грандиозностью проекта и были вполне созвучны известному советскому рефрену: «Мы наш, мы новый мир построим».

Решение о строительстве завода по производству большегрузных автомобилей в городе Набережные Челны было принято не сразу. На государственном уровне обсуждалось несколько вариантов его географической привязки. В конечном счете, выбор пал на чисто аграрный регион, подавляющую часть населения которого составляли татары. Сюда по оргнабору приехали люди из самых различных областей и республик. Таким образом, в республике появился уже второй в послевоенный период многонациональный промышленный регион.

Так же, как в 1950-е гг., одно из центральных мест в средствах массовой информации отводилось развитию нефтяной отрасли в Татарстане, в 1970-е гг. не меньшее значение придавалось освещению хода строительства КамАЗа. При этом неизменно подчеркивались небывалые масштабы, исключительно высокие темпы строительства, которые обеспечивались колоссальными государственными капиталовложениями. Коллективы тысяч предприятий страны работали под девизом «Заказы КамАЗа – досрочно!».

В проектировании и строительстве автогиганта участвовали около 25 министерств и ведомств, свыше 100 научно-исследовательских институтов, около 150 строительно-монтажных управлений. Заказы стройки выполняли 5 тысяч предприятий СССР, оборудование поставляли 867 заводов из 307 городов страны. На стройке работали люди из 96 городов и областей. Создание КамАЗа, как и всего Камского территориально-промышленного комплекса, во многом носило экспериментальный характер. По сути дела, строительные площадки представляли собой испытательный полигон для

принципиально новых решений в строительстве, всесоюзную лабораторию технологических, организационных инноваций. В 1960–1970-е гг. здесь нередко проводились всесоюзные школы передового опыта организации труда.

Концентрация огромного материального и трудового потенциала позволила уже к 1976 г. получить первую продукцию Камского автогиганта, хотя строительство его было развернуто только в 1969 г. В советское время, как известно, существовала традиция встречать съезды КПСС, проходившие один раз в 5 лет, особыми трудовыми подвигами. Знаменовать самые высокие достижения страны к XXV съезду партии (1976 г.) было суждено колонне новеньких автомобилей марки «КамАЗ», вставших в Москве на Красной площади у Спасской башни Кремля накануне самого авторитетного политического форума в СССР. В конце 1976 г. был подписан акт о приемке в эксплуатацию первой очереди Камского объединения по производству большегрузных автомобилей.

КамАЗ открыл новую страницу в истории машиностроения страны. До этого ее грузовой автопарк был в основном представлен машинами небольшой грузоподъемности. На КамАЗе производились большегрузные автомобили и тягачи, автопоезда большой и особо большой грузоподъемности. Массовое производство автомобилей с дизельными двигателями способствовало экономии топливно-энергетических ресурсов. За короткий срок на Каме были сооружены корпуса шести заводов, не имевших аналогов в мировой практике. В апреле 1980 г. был выпущен 150-тысячный «КАМАЗ», в 1984 г. – 500-тысячный, в 1988 г. – миллионный. С середины 1970-х гг. КамАЗ занял прочное место в автомобильной отрасли страны. К середине 1980-х гг. на автомобилях «КАМАЗ» осуществлялся основной поток автоперевозок в СССР. В стране был преодолен доселе остро ощущавшийся дефицит грузового транспорта.

Формирование Нижнекамского территориально-промышленного комплекса существенно изменило индустриальный облик республики. На долю предприятий химии и нефтехимии стало приходиться 20% промышленной продукции республики. С развитием автомобилестроения в Камском регионе в индустриальном потенциале ТАССР значительно увеличивается доля машиностроительной отрасли. К середине 1980-х гг. на нее приходилось почти 40% промышленного производства в республике.

Благодаря появлению и быстрому развитию новых отраслей промышленности в чисто аграрных регионах в 1940–1970-е гг. существенно изменилась картина размещения городского и сельского населения в республике. В 1950–1960-е гг. к традиционному Казанско-Зеленодольскому промышленному узлу добавился второй промышленный центр республики с многонациональным городским населением. Здесь появились новые города Альметьевск, Лениногорск, рабочие поселки Азнакаево, Актюбинский, Бавлы, Джалиль, Карабаш и другие. В 1960–1970-е гг. строительство КАМАЗа в Набережных Челнах, нефтехимических предприятий в Нижнекамске вовлекло в урбанизационный процесс огромную территорию бывшей сельской глубинки на северо-востоке республики.

Быстрый рост рабочих-нефтяников, рабочих-химиков, рабочих-машиностроителей среди местного населения свидетельствовал о том, что большинство местного населения охотно вовлекалось в промышленное производство. Процесс стремительной индустриализации и связанной с ней урбанизации превращал целые пласты сельчан в горожан. Темпы роста горожан в республике более чем в 1,5 раза превышали среднесоюзный показатель. Причем это происходило в основном благодаря высоким темпам увеличения их численности в молодых городах Камского ТПК. Так, если население Казани выросло в 1970–1989 гг. всего на 10%,

Альметьевска – на 18%, то Набережных Челнов – на 66%, Нижнекамска – на 42%¹⁰.

Однако регионы поздней урбанизации представляли собой промышленную провинцию, характеризовавшуюся скудостью и схематизмом создававшейся социальной инфраструктуры городов, развивавшейся по остаточному принципу, стремительным ухудшением экологических характеристик. Расхождение экономического потенциала края со степенью модернизованности других не менее важных сфер жизни общества отчетливо осознавалось его населением. Об этом весьма характерно свидетельствует анонимное письмо рабочих-нефтяников, направленное в 1955 г. Н.С. Хрущеву. В нем говорится: «Татария стала крупным районом нефти. Но почему с Татарией не считаются? Здесь строятся города и поселки, похожие на арестантский лагерь. Кроме бараков, ничего нет. Нет улиц, воды и электричества, все сделано, как в лагерях МВД. В школах дети занимаются в 2–3 смены, капитальных больниц нет. Нет кино, нет дворцов культуры. Если татарская нефть оказалась бы на Украине, или в Узбекистане, Грузии, то, наверное, там давно бы все было сделано. Но с татарским народом никто не считается, наоборот, похоже, что кто-то издевается»¹¹.

ТАССР значительно отставала от соседних поволжских республик и областей по дорожному, жилищному строительству. Средняя заработная плата рабочих и служащих ТАССР на 2–8% была ниже средней по СССР и РСФСР¹². Нерешенность социально-бытовых и социально-культурных проблем в молодых городах оборачивалась серьезными коллизиями. Не случайно именно в тоскливых «спальных» жилмассивах этих городов с их скучным социальным интерьером возникали общественно опасные группы маргинальной молодежи. Стихийная самоорганизация эпатазирующей молодежи в виде банд с их единственным культом – насилия – распространилась

по всей стране. Однако их особо выраженная антисоциальная активность в республике, вылившаяся в ряд широко освещавшихся в прессе преступлений, нередко и с трагическим концом, приобрела широкую известность под названием «казанский феномен».

Появление новых промышленных конгломератов во второй половине XX в. вызвало и серьезный дисбаланс в сельском хозяйстве республики. Разворачивание нефтедобывающей отрасли привело к изъятию огромного массива наиболее плодородных черноземов на юго-востоке республики. В 1960–1970-е гг. не менее плодородные земли попали под затопление в связи со строительством Куйбышевского водохранилища, созданием Камского ТПК, а также Нижнекамского водохранилища и продолжавшейся прокладкой все новых линий нефте- и газопроводов. Сужение сферы сельскохозяйственного производства актуализировало проблему интенсификации аграрного производства за счет усиления его материально-технической базы. Однако Татарская республика, в числе других регионов традиционного земледелия, не располагала достаточными средствами для преодоления отсталого состояния аграрной отрасли. Как в промышленной, так и аграрной стратегии властей предпочтение отдавалось экстенсивным методам, в соответствии с которыми государство пыталось осуществить прорыв в сельском хозяйстве через расширение посевных площадей за счет освоения целинных и залежных земель Казахстана, Оренбуржья, Башкортостана.

К концу пятой пятилетки (1951–1955 гг.) по многим показателям сельское хозяйство республики не превысило уровня 1940-х гг., а по некоторым даже не достигло его. Так, валовой сбор зерна в колхозах Татарстана в девять предвоенных лет составлял в среднем за год 19,2 млн. ц в год, а в послевоенные 10 лет – только 14,4 млн. ц¹³. К середине 1950-х гг. урожайность зерновых культур в республике

была ниже общесоюзного показателя. Из-за недостатка техники сроки сева различных культур растягивались до 35 дней. В крайне запущенном состоянии находилось и колхозное животноводство. В середине 1950-х гг. планы поголовья в республике не выполнялись ни по одному виду животных¹⁴.

Наиболее заметные позитивные подвижки произошли в сельском хозяйстве Татарстана, как и по СССР в целом, во второй половине 1960-х гг., когда на государственном уровне был принят комплекс мер, направленных на усиление материальной заинтересованности аграрных предприятий в результатах своей деятельности. Среднегодовое производство валовой сельскохозяйственной продукции в республике за восьмью пятилетку (1966–1970 гг.) увеличилось на 28% при плане 25%. Производительность труда в колхозах и совхозах Татарстана повысилась тогда на 44%, в то время как по СССР – на 37%¹⁵.

Во второй половине 1970-х гг. темпы обновления материально-технической базы аграрного производства республики стали отставать от общесоюзных показателей. Это было связано с тем, что в 1974 г. было принято специальное постановление ЦК КПСС «О дальнейшем развитии Нечерноземной зоны России», согласно которому на развитие вошедших в эту зону областей и республик Центральной России были выделены огромные капиталовложения. Татарская республика, несмотря на то, что половину ее земель составляли нечерноземы, даже частично не была включена в щедро субсидированную Нечерноземную зону. Это отрицательно отразилось на уровне развития сельскохозяйственной отрасли республики. Так, среднегодовой объем продукции сельского хозяйства увеличился в республике на 9%, в то время как в целом по стране на 13%. Тем не менее в целом показатели аграрного сектора экономики Татарстана были выше общесоюзных. В расчете на 100 га сельхозугодий в обществен-

ном секторе аграрного производства республики продукции производилось в 1,5 раза больше, чем по Российской Федерации¹⁶.

При этом социальное развитие села Татарской АССР отличалось более низким уровнем по сравнению со средними показателями по стране. На низком уровне находилось медицинское, бытовое обслуживание. При немалых объемах добычи в республике попутного газа вялыми темпами развивалась газификация. Отставало от соседних поволжских республик строительство дорог в сельской местности. Уровень оплаты труда колхозника и рабочего совхозов в Татарской республике также отставал от среднесоюзных показателей¹⁷.

Форсированная экстенсификация промышленного развития республики способствовала высокой миграции сельского населения. Снижение абсолютной и относительной численности сельского населения, неуклонное снижение его части, занятой в аграрном производстве, неблагоприятные подвижки в структуре наблюдались по всей стране в рассматриваемый период. Но отмеченные процессы в Татарской республике отличались большей динамичностью, что объяснялось более интенсивными по сравнению с Россией темпами урбанизации в этот период. Так, в 1970–1981 гг. сельское население в ТАССР уменьшилось на 26%, в то время как по Российской Федерации – на 17%¹⁸. Сокращение численности сельского населения происходило в значительной степени за счет русских. Одним из сдерживающих факторов миграции татар из села в город был этнический. Нерусские крестьяне, переезжая в город, попадали из однопациональной в многонациональную среду, где общение на производстве, в официальных учреждениях и т.д. строилось на русском языке.

Специфической чертой модернизации Татарстана как советской модели для всех национальных регионов России во второй половине XX в. явилась

«невключенность» этнического фактора в ее процесс, вернее, его вытеснение из этого процесса. Разительно меняющийся экономический облик республики во второй половине XX в. совпал с кризисом национальной самоидентификации татар.

Период 1920–1930-х гг., когда советской властью предпринимались попытки вовлечения татар в «новую жизнь» без покушения на их этническое самосознание и даже более того, остался в прошлом. Тогда с целью повышения удельного веса татар на промышленных предприятиях, в государственных учреждениях, учебных заведениях в них создавались специальные, так называемые коренизированные группы, которые предусматривали более благоприятные условия для социальной самореализации татар.

За годы советской власти в республике сложилась система высшего и среднего специального образования, носившая многоплановый и разносторонний характер. Всего к началу 1980-х гг. в республике насчитывалось 13 институтов, 60 средних специальных заведений. Достаточно развитой являлась и система профессионально-технического образования, включавшая в том же году 72 учебных заведения.

Бурное развитие промышленности в республике способствовало росту числа учреждений, призванных обеспечивать научно-технический прогресс в приоритетных отраслях народного хозяйства. В 1965 г. в ТАССР насчитывался 51 НИИ. Неуклонно росла доля татар, занятых в интеллектуальных сферах труда. В середине 1970-х гг. более 35% специалистов народного хозяйства республики являлись татарами. Из научных работников республики каждый четвертый доктор наук, каждый третий кандидат наук и каждый третий аспирант были татарами, а еще в 1940-е гг. научных работников «со степенью» среди татар были единицы¹⁹.

За годы советской власти определенные условия были созданы и для

развития высокой культуры татарского народа. В 1920-е гг. стали развиваться профессиональная татарская музыка и живопись. В 1930-е гг. появились первые архитекторы из татар. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в Татарстане делались попытки наладить собственное кинопроизводство. В 1928 г. на экраны вышел фильм «Булат батыр», посвященный движению татар в крестьянской войне под предводительством Пугачева. В 1930 г. на экраны вышел фильм «Десятилетие Татарстана». В 1920-е гг. создается ряд научных центров, способствовавших развитию татарской гуманитарной науки. Так, вопросами истории культуры татарского народа занималось Научное общество татароведения, созданное в мае 1923 г. В июле 1928 г. было образовано Общество изучения Татарстана, специализировавшееся на вопросах краеведения. Большую роль в научной жизни республики играл Дом татарской культуры, созданный в 1927 г. Правда, в 1930-х гг., в период массовых репрессий, упомянутые институты были закрыты. В целом в тот период татарской культуре был нанесен огромный урон. В начале 1930-х гг. были сфабрикованы дела «Крестьянский иттифак», «Янга китап», «Джидигян», «Египет», по которым были обвинены сотни представителей татарской интеллигенции. Тем не менее в 1937 г. была открыта Татарская государственная филармония, создан Государственный татарский ансамбль песни и пляски, игравший, пожалуй, главную роль в популяризации татарского искусства за рубежом в советский период. В этом же году был открыт Татарский государственный театр оперы и балета. В 1939 г. был создан Татарский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.

Но, расширяя возможности татарского народа в повышении общеобразовательного, культурного, профессионального уровня, государственная система заботилась лишь о формировании исполнительской культуры с

целью «начинить» человека необходимыми для «строительства социализма» знаниями. Культуролог А. Флиер в понятии «культурогенез» вычленяет морфо-, социо-, формо- и этногенез культуры²⁰. Проецируя данную конструкцию на историю культуры в республике, можно говорить о позитивной динамике с точки зрения первых трех компонентов. Не останавливаясь на конкретных цифрах, а сославшись на солидную советскую историографию вопроса, можно уверенно утверждать, что неуклонно рос образовательный уровень населения, росла и развивалась материальная база культуры, расширялся социально-профессиональный состав причастных к культуре групп. Что же касается этногенеза, то он, начиная с 1940-х гг., имеет четкую тенденцию к затуханию под воздействием официальной борьбы с «националистическими происками».

Начало ей было положено принятым 9 августа 1944 г. постановлением ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации». Это постановление на десятилетия определило для местных властей установки в области национальной политики. По нему выверялась деятельность научных и культурных учреждений столицы республики. Вслед за постановлением мощный идеологический удар обрушился на Татарский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории – центр татарской гуманитарной науки. Институт был обвинен в том, что допустил серьезные ошибки националистического характера в освещении истории, литературы и искусства татарского народа. Речь шла, прежде всего, о «приукрашивании роли Золотой Орды и популяризации ханско-феодального эпоса об Идееге». Общая установка предписывала все прогрессивное в истории татарского народа связывать только с прогрессивной ролью русского народа и Российского государства. Те же

страницы этой истории, которые отнесли к периоду государственного могущества татарского народа и были связаны с мусульманским Востоком, предлагалось либо замалчивать, либо трактовать негативно. В 1949 г. под идеологический пресс попал сборник статей отдела истории ИЯЛИ «Происхождение казанских татар». Его авторами были известные историки академик Б.Д. Греков, А.П. Смирнов, Н.Ф. Калинин, Е.И. Чернышев. И по отношению к ним были выдвинуты обвинения в «недостаточной приверженности марксистско-ленинской идеологии, в объективистском подходе к освещению истории, переоценке влияния мусульманского Востока и недооценке влияния Руси в этногенезе татар»²¹.

Идеологическим проработкам подверглись издававшиеся в республике учебники по литературе. Дважды (в сентябре 1948 г. и в январе 1952 г.) жесткой критике был предан учебник-хрестоматия по татарской литературе для восьмого класса средней школы. Авторы обвинили в том, что они «оказались в плену буржуазного объективизма», включив в хрестоматию «вредные произведения», слабо осветили влияние на татарскую литературу русской литературы, неправильно оценили джадидизм, роль ислама, идеализировали «религиозно-мистическое творчество» М. Колыя, Утыз Имяни. В число вредных попали некоторые произведения Г. Кандаляя, Ф. Халиди. В постановлении бюро обкома КПСС «Об ошибках в учебнике литературы для 8 класса татарских средних школ» джадидизм был представлен как буржуазно-националистическое течение, которое стремилось оторвать татарский народ от России. Общим результатом этой кампании стало то, что была наложена опала на имена и произведения людей, составляющих гордость татарской литературы²².

Самым непосредственным образом общий курс на ужесточение партийного контроля над духовной жизнью

страны коснулся и художественной интеллигенции. В жесткие идеологические рамки были поставлены писатели. 27 августа 1947 г. в газете «Правда» была опубликована статья «Серьезные недостатки в работе с писателями Татарии». После нее последовала вереница заседаний обкома, Казанского горкома, Бауманского райкома ВКП(б), на которых принимались решения о том, что из поля зрения «здоровой критики» не должно ускользнуть ни одно произведение²³. От деятелей культуры требовали воспевать пафос восстановления, изображать лучшие черты и качества советского человека, позитивные явления современной советской действительности. Произведения, не отвечавшие этому критерию, как бы талантливо они ни были написаны, ждала печальная участь. В конце 1940-х гг. разгромной критике подверглись либретто оперы «Алтынчеч» Н. Жиганова, комедия «Ходжа Насретдин» Н. Исанбета, а также многие рассказы А. Еникеева, С. Баттала, Ф. Хусни, М. Амира, Ш. Маннура, поэма А. Ерикеева «Орленок». Как не соответствующие партийным установкам были запрещены к показу около двух десятков спектаклей столичных театров²⁴.

Либерализация политического режима в СССР в середине 1950-х гг. пробудила у татарской общественности надежду на изменение национальной политики, вплоть до изменения политического статуса республики. В 1956 г. на собрании партийно-хозяйственного актива Бауманского района г. Казани писатель Г. Кашшаф, говоря об огромном вреде культа личности в области исторических наук, литературы и искусства, выразил надежду, что «ЦК партии займется вопросом возможности преобразования Татарии в союзную республику»²⁵. В 1957 г. писатель Н. Фаттах отправил письма с аргументацией необходимости реорганизации Татарской автономной республики в союзную республику первым лицам государства, включая

Н.С. Хрущева²⁶. Прежде он обращался с этим вопросом в высшие инстанции республики, в которых его суждения были расценены как ошибочные. О несправедливости пребывания Татарской республики в статусе автономии написали письмо в «Литературную газету» под названием «О будущем татарской нации» читатели Г. Энверов и Ш. Фахрульсламов. В своем послании они отмечали: «Из-за такого второстепенного признака, как отсутствие границ с иностранными государствами, положение в наших школах и на приемных экзаменах в вузы отличается от положения в других республиках»²⁷. Немаловажным фактором ощущения неполноценности автономного по сравнению с союзными республиками статуса Татарстана являлся прагматический подход. Так, заместитель председателя Союза писателей Татарской АССР С. Хаким обратился в Татарский обком КПСС с просьбой устранить положение «неоправданного ущемления прав местных писателей». Он отмечал: «За художественные произведения, издаваемые в автономных республиках, гонорар оплачивается на 25% ниже, чем в союзных республиках, а за драматические произведения – ниже на 50%»²⁸.

Однако главное направление энергии интеллигенции – это возрождение традиций своего народа, полноценное развитие его культуры. В период хрущевской оттепели, пожалуй, наибольшую активность проявляли писатели. Уже в мае 1956 г. на заседании правления Союза писателей были обсуждены наболевшие вопросы татарской литературы. Выразив тревогу по поводу того, что «Таткнигоиздат» за последние годы начинает «терять свое лицо как национальное издательство», писатели пересмотрели план изданий в сторону увеличения выпуска литературы татарских писателей²⁹. Настойчивыми были в этот период попытки со стороны писателей добиться издания в Казани литературного иллюстрированного журнала для молодежи³⁰.

Особую тревогу в республике вызывала судьба татарского языка. В 1950–1980-е гг. сфера его применения стремительно сужалась. Ощутимо угрожаящими темпами снижался авторитет национальных школ. Многие татарские школы не были укомплектованы квалифицированными учителями. Фактически они «доживали», ютились в неблагоустроенных помещениях, в большинстве своем оставшихся с досоветских времен, да экспропрированных домах баев. В конце 1950-х гг. современные типовые здания имели лишь 10–15 татарских школ в республике³¹.

В республике был отменен государственный экзамен на аттестат зрелости по татарскому языку и литературе, ликвидированы коренизированные группы в средних специальных учебных заведениях. В 1958 г. в столице республики – Казани – работали только 2 татарские и 17 смешанных школ, 80% детей татар города обучалось в русских школах. Количество детей, обучавшихся в татарских школах, в целом по республике сократилось в несколько раз³².

Многие татары-горожане, большинство которых составляли недавние сельчане, не желали, чтобы у их детей, как в свое время у них, из-за плохого знания русского языка возникли трудности с адаптацией к городской жизни. Видя бесперспективность совершенного знания татарского языка, даже представители татарской творческой интеллигенции стали обучать своих детей в русских школах. Об этом со всей прямотой сказал секретарь обкома КПСС К.Ф. Фасеев на Пленуме 1958 г., посвященном языковой ситуации в республике. «Получается интересная картина, – отмечает он, – учителя сами работают в татарских школах, уговаривают других отдавать своих детей в татарские школы, а своих детей учат в русских школах». В подтверждение своих слов он приводит пример одной из агрызских школ, в которой из 39 учителей-татар только двое обучали

своих детей в татарской школе³³. Уже в середине 1960-х гг. наблюдался довольно высокий процент детей рабочих-татар, хорошо владеющих татарским языком, но предпочитающих учиться в русских школах. Так, по результатам анкетных опросов, проведенных на казанских предприятиях, число детей из семей рабочих-татар, обучающихся в школах на русском языке, составило почти 88%³⁴. В послевоенные десятилетия в Татарской республике стремительно проявлялась такая ситуация, что складывавшаяся веками культура народов оказалась неостребованной его частью, духовный мир которой формировался на основе русской и зарубежной культур, пропущенных к тому же через сито официальной идеологии.

В связи с этим в период хрущевской «оттепели» о ситуации с татарским языком, татарской школой в республике заговорили во всеулышание, причем уже не только общественность, но и в коридорах власти. В мае 1958 г. с одобрения ЦК КПСС состоялся пленум Татарского обкома КПСС, на котором были приняты меры по обеспечению резкого повышения качества преподавания татарского языка и литературы, укреплению материально-технической, учебно-методической базы национальных школ, улучшению состава преподавателей. Намечалась также организация по желанию абитуриентов приемных экзаменов в вузы и техникумы на татарском языке. Однако тенденция на возрождение татарской школы угасла довольно быстро. В январе 1960 г. пленум обкома КПСС без какого-либо обсуждения отменил свое решение двухлетней давности. Новый поворот в развитии национальной культуры со всей очевидностью просматривался в выступлении Ф.А. Табеева, ставшего в этом году первым секретарем Татарского обкома КПСС. «Проведение в жизнь этого ошибочного решения могло привести к национальной ограниченности, замкнутости, к снижению требователь-

ности в работе татарских школ относительно глубокого изучения русского языка», – подчеркнул он³⁵.

К началу 1960-х гг. по мере того, как все четче проявлялась ограниченность либеральных преобразований в стране, творческих деятелей республики все чаще одергивали «за нездоровые суждения об ущемлении интересов татарского народа», требовали от них демонстративных проявлений приверженности коммунистической идеологии. Так, из докладной КГБ при Совете Министров ТАССР (1960 г.) для Татарского обкома КПСС говорится: «Многие татарские писатели слабо занимаются вопросами овладения марксистско-ленинским мировоззрением, ... мало проявляют участия в общественных мероприятиях. ... Как деталь, характерно отметить, что в демонстрации трудящихся 7 ноября 1959 г. из Союза писателей участвовало всего 3 человека»³⁶. Из приведенной цитаты видно, что активность интеллигенции поощрялась, но только в рамках коммунистической идеологии и практики.

В начале 1960-х гг. была свернута работа терминологической комиссии, которая была создана во второй половине 1950-х гг. для возвращения в татарский язык арабизмов и персизмов, активно заменявшихся в советский период русизмами. Творческие работники вынуждены были работать в обстановке двоедушия, конформизма. Это не могло не ослабить функцию национальной интеллигенции как хранителя духовных ценностей своего народа, что в общенациональном масштабе трансформировалось в утрату понятий национальной гордости, чести, национального достоинства, ослабляло чувство этнической самоидентификации татар. Об этом красноречиво свидетельствует такой факт. В 1975 г. 183 средние общеобразовательные школы в республике носили имя известной партизанки, погибшей в годы Великой Отечественной войны в Подмоскowie Зои Космодемьянской, 76 школ – имя известного героя Великой Отечествен-

ной войны, руководителя подпольной группы в Донбассе О. Кошевого, а имя Героя Советского Союза, татарина Г. Гафиатуллина – лишь одна школа³⁷.

Радио, как наиболее доступный и популярный источник информации, постепенно утрачивало значение проводника национальной культуры. К примеру, в 1948 г. из общего объема вещания Татарского радиокomiteта на татарском языке (2 час. 25 мин.) в день 1 час 12 мин. занимало политическое вещание. Нетрудно понять, что в таком случае оставалось на культуру. В послевоенный период в быт людей стал входить телевизор. С самого начала это мощное средство массовой информации слабо использовалось для удовлетворения духовных потребностей татар. Убедительным подтверждением тому служит письмо, написанное в 1969 г. жителем одного из нефтяных городов национальной республики С.В. Рахимовым: «Мы, телезрители, не можем утвердительно сказать, – пишет он, – что татарская телестудия есть, так как не видим никакой ее работы... Мы истосковались по татарской песне, танцу, музыке...»³⁸. И действительно, в 1968 г. Казанская студия телевидения вещала в сутки 1,5 часа, из них на татарском – 43 мин., на русском – 47 мин. К 1983 г. объем вещания телевидения вырос до 3,5 часа в сутки, из них только около половины передач велось на татарском языке, другая половина осуществлялась на русском языке, помимо двух общесоюзных программ, которые весь день работали на русском языке.

В наибольшей степени процесс этнизации коснулся тех татар, которые в результате политики плановой миграции попадали за пределы ТАССР в условия, почти исключавшие возможность удовлетворения национально-культурных потребностей. Почти ежегодно из республики в результате организованных переселенческих процессов на стройки, шахты Сибири, Дальнего Востока выезжало до нескольких тысяч жителей республики.

Их естественное стремление к сохранению национальных обычаев нередко наталкивалось на непонимание местных чиновников. Конечно, нельзя игнорировать наличие в культурной жизни страны гастролей артистов республики, общение деятелей литературы и искусства с производственными коллективами. Так, заметным событием культурной жизни республики стала Декада татарской литературы и искусства в Москве, проведенная в 1957 г. Недели, дни татарской литературы не раз проводились в Чувашской, Башкирской, Марийской АССР, Казахстане. Но за парадной стороной таилось немало серьезных проблем, связанных с развитием национальных культур, удовлетворением духовных запросов. Разовые, шумно проводившиеся фестивали, декады, недели национальной культуры не решали проблемы. Не было татарских книг, газет, по радио очень редко звучала татарская музыка. В таких условиях татары часто пытались организовать свою художественную самодеятельность. Но имеется немало примеров, когда татарам не давали помещений для проведения своих культурных мероприятий. У них не было возможности обучать своих детей татарскому языку хотя бы в воскресных школах, для этого не находилось помещений, средств. Были факты и открыто высказываемого пренебрежения к национальным запросам. Как заявил чиновник от культуры города Прокопьевска Кемеровской области, «желаете слушать и исполнять национальные песни, поезжайте в Казань»³⁹. В этих условиях удовлетворение этнических интересов приобретало как бы катакомбный характер. Татары собирались в своем кругу в неформальной обстановке, чтобы попеть родные песни, пообщаться на родном языке. Но если первое поколение выехавших за пределы республики в другие регионы СССР татар сохраняло этническое самосознание, то у их детей большей частью национальные чувства атрофировались.

Однако в самой республике национальный колорит, как свидетельствует письмо жителя Алма-Аты, татарина А. Садыкова (1980 г.), был выражен неудовлетворительно. «Два года тому назад по служебным делам мне посчастливилось впервые в своей жизни побывать на родине моих предков в Татарии, ну и конечно, в Казани, – пишет он. – Какой разительный контраст с Алма-Атой! Практически вся наглядная агитация, вся реклама, все вывески, названия культурно-бытовых объектов и т.д. – только на русском языке. И если бы не приветствие на вокзале «Рахим итегез Татарстанга!» да милый говор старушек в автобусах и трамваях можно было бы не верить своему счастью⁴⁰.

В республике в 1940-х – первой половине 1980-х гг. обсуждение наиболее острых проблем судьбы татарской нации также часто носило полулегальный характер. Конечно, вопросы сохранения татарского языка, культуры часто обсуждались на литературных вечерах, в кружках, на съездах творческих работников. В 1960-е гг. популярными были поездки творческой интеллигенции в Булгар, где у древних святынь острота наиболее острых проблем ощущалась по-особому, и они обсуждались с особой откровенностью.

Татарская интеллигенция не просто говорила о тревожном состоянии татарской культуры, но пыталась и действовать. По мере того, как тональность официальной трактовки достижений национальной политики становилась все более радушной, оппозиционные настроения в обществе росли. Интеллигенция все больше дистанцировалась от властей, в ее среде складывались неформальные общественные группы со своими, независимыми оценками явлений, своими культурными пристрастиями, внутренними связями. В 1964–1965 гг. среди татар существовали неформальные группы, которые пытались консолидировать свои усилия в целях возрождения и совершенствования татарской культуры. Например, аппаратчик завода «Оргсинтез»

Тауфик Айди, ставший впоследствии известным татарским писателем, работники НИИ при Казанском оптико-механическом заводе Э. Зайнуллин, М. Мухаметзянов стремились поддерживать национальное самосознание татар, живших за пределами Татарской республики, организовывая подписку среди них на журнал «Казан утлары», добиваясь открытия татарских школ.

Однако власть держала под пристальным контролем любые проявления общественной активности в национальном вопросе. Под негласный надзор органов госбезопасности попадали даже студенты, избравшие темой своих исследований татарскую дореволюционную культуру. Так, в одной из справок КГБ для Татарского обкома КПСС, составленной на основе проверки тематики дипломных исследований в начале 1960-х гг., говорилось: «Значительная часть дипломных работ, выполняемых студентами, относится к исследованиям дореволюционного периода. Работа над этими темами, студенты самостоятельно изучают статьи из дореволюционных периодических изданий и книги того периода, в которых высказывается немало реакционных, националистических взглядов. Чтение такой литературы при еще недостаточной политической подготовке студентов отрицательно влияет на формирование их научно-политических воззрений». Далее приводился список студентов, работавших по дореволюционной проблематике с подробными сведениями прочитанной ими литературы. Среди них имена ныне известных в республике ученых Р. Нафигова, А. Каримуллина, Х. Курбатова. Очевидно, власти рассматривали это как борьбу против «идейных шатаний» среди молодежи⁴¹.

Вместе с тем предпринимались «за уши притянутые меры», чтобы канализировать деятельность интеллигенции в нужное идеологическое русло. Чтобы побудить литераторов создавать «социалистические по содержанию» произведения на современные темы, их «прикрепляли» к промышленным

предприятиям, побуждая создавать свои произведения исходя из наблюдений за жизнью на них. Правда, это не имело реального эффекта. Как отмечалось в информации председателя КГБ в 1960 г., «из прикрепленных Р. Ишмуратов (компрессорный завод), С. Баттал (завод № 16) и Г. Хузи (Химстрой) и другие до сего времени не написали ни одной строчки»⁴².

Конечно, политические императивы в трактовке татарской истории, выискивание «нездоровых националистических происков» в творчестве национальной интеллигенции создавали некую «презумпцию виновности» у татарского народа и определяли характер развития татарской культуры в советский период. Духовный мир людей, подвергшийся коммунистической нивелировке, приводил к элементаризации культуры, неостребованности складывавшейся веками национальной сокровищницы. В конечном счете, это оборачивалось снижением полифонии

в социокультурной динамике населения республики, увеличением числа носителей маргинальной культуры.

Таким образом, процесс стремительной модернизации Татарской республики в советский период, носивший директивно-мобилизационный характер, коснулся лишь отдельных подсистем жизнесферы региона, представляющих интерес для центральной власти. Это породило серьезную проблему культурной адаптации татарского общества к ней и неизбежно вело к накоплению социальных коллизий, критический уровень которых создал революционную ситуацию конца 1980-х – начала 1990-х гг. в ТАССР...

Модернизирующееся общество, безусловно, должно стремиться к восприятию прогрессивных достижений социальной практики, но, учитывая собственные сложившиеся ментальные конструкции и традиционные институты, пытаясь не разрушать, а приспособлять их к вызовам времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп. 38. Д. 23. Л. 197.
- 2 ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп. 42. Д. 11. Л. 16.
- 3 ЦГА ИПД РТ. Ф. 26. Оп. 37. Д. 162. Лл.1–3.
- 4 ЦГА ИПД РТ. Ф.15. О. 39. Д. 14. Л. 238.
- 5 История Казани в документах и материалах. XX век. Казань: Магариф, 2004. – С. 214–215.
- 6 Там же.
- 7 *Бурнашева Ю.В.* Борьба Татарской партийной организации за массовое внедрение новаторства в нефтяной промышленности республики в годы пятой пятилетки / Некоторые вопросы развития Татарской АССР за годы Советской власти. – Казань, 1960. – С.28.
- 8 Там же. – С. 31.
- 9 ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп.7. Д. 270. Л.16.
- 10 *Мустафин М.Р., Хузеев Р. Г.* Все о Татарстане. Экономико-географический справочник. – Казань, 1992. – С.16.
- 11 *Султанбеков Б.Ф., Харисова Л.А., Галлямова А.Г.* История Татарстана. XX век. – Казань: Хэтер, 1998. – С. 313.
- 12 *Мустафин М.* От каждого по способности, но всегда ли по труду? // *Вечерняя Казань.* 1989. 6 февр.
- 13 РГАСПИ. Ф.556. Оп.14. Д. 83. Л. 79.
- 14 Там же. Л. 81.
- 15 *Файзрахманов Г.Л.* Развитие сельского хозяйства Татарской АССР в годы восьмой пятилетки (1966–1970). Автореферат дисс... канд. истор. наук. – Казань, 1981. – С.15.
- 16 *Галлямова А.Г.* Время собирать камни... Сельское хозяйство Татарстана в 1970-е годы: анализ развития, уроки. – Казань: Таткнигоиздат, 1997. – С.73.

- ¹⁷ Подробнее там же. С. 89–101.
- ¹⁸ Народное хозяйство Татарской АССР в десятой пятилетке: Стат. сборник. – Казань, 1982. – С.4; Народное хозяйство РСФСР в 1980 г. – С.5.
- ¹⁹ История Татарстана / Б.Ф. Султанбеков, Ф.Ш. Хузин, А.Г. Галлямова и др. – Казань, 2001. – С.505.
- ²⁰ *Флиер А.* Культурогенез в истории культуры // ОНС. 1995. №3.
- ²¹ *Галлямова А.Г.* Кризис национальной самоидентификации татар в 40–70-е годы XX в. // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Т.3. М.: Инсан, 1997. – С.99.
- ²² *Галлямова А.Г.* К проблеме изучения развития татарской культуры в 40–80-е гг. // Панорама-форум. 1997. № 11. Весна. – С. 91.
- ²³ *Никифиров В. В.* Деятельность КПСС по интернациональному воспитанию трудящихся в период восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства (1945–1952 гг.). Дис... канд. ист. наук. – С. 153.
- ²⁴ ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп. .30. Д. 6. Л. 287.
- ²⁵ Там же. Ф.19. Оп.45. Д. 72. Л. 108.
- ²⁶ Там же. Ф. 15. Оп. 38.Д. 196. Лл. 111.
- ²⁷ Там же. Д. 191. Лл. 65-67.
- ²⁸ Там же. Оп. 37. Д. 378. Л. 53.
- ²⁹ Там же. Оп. 38. Д. 473. Л. 38.
- ³⁰ Там же. Л. 94.
- ³¹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 39а. Д. 77. Л. 49.
- ³² Там же. Л. 44 – 45.
- ³³ Там же. Оп. 39. Д. 141. Л. 33.
- ³⁴ *Садьков М.* Многонациональный город и бытовой уклад людей. (По материалам социологического исследования быта населения г. Казани) // Коммунист Татарии. – 1965. – № 9. – С. 43.
- ³⁵ Там же. Д. 129. Л. 7.
- ³⁶ Там же. Оп. 41. Д. 21. Л. 7.
- ³⁷ *Андреева С.В.* Партийное руководство деятельностью ВЛКСМ по патриотическому и интернациональному воспитанию молодежи в 1970-е гг. Дис. ...канд. истор. наук. – С.101.
- ³⁸ ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп. 30. Д. 664. Л. 23.
- ³⁹ Советская Татария. 1990. 15 ноября.
- ⁴⁰ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 8. Д. 1573. Л. 20.
- ⁴¹ История в документах и материалах. XX век. – С. 660–662.
- ⁴² ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп. 41. Д. 21. Л. 4.

Аннотация

В статье рассматриваются тенденции исторического пути Татарстана во второй половине 1940-х – первой половине 1980-х гг. в логике распада советской социалистической системы. В этот период экономический и культурный облик республики определялся интенсивными модернизационными процессами, имевшими директивно-мобилизационный характер.

Ключевые слова: Татарская АССР, советская модель модернизации, промышленность ТАССР, сельское хозяйство ТАССР, культура ТАССР, национальный вопрос.

Summary

The article deals with the tendencies of the historical way of Tatarstan from the second half of the 1940s up to the first half of the 1980s in the logic of the collapse of the Soviet socialist system. During this period the economic and cultural image of the republic was defined by intensive modernization process having directive mobilization character.